

ТРАДИЦИИ «ВОЛЖСКОЙ» ДРАМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ В.С. РОЗОВА

«Волжская» тема в драматургии В.С. Розова не является случайной и проходной. Особенно явно она обнаруживает себя в пьесе «В день свадьбы» (1963). Действие пьесы разворачивается в костромском Заволжье, судя по всему, где-то в районе Селища и бывшей Никольской слободы (ныне район улиц Стрелецкой, Коллективной, Широкой). На высоком берегу Волги стоит дом Ильи Григорьевича Салова, который работает ночным сторожем на заводе.

Экспозицией пьесы является диалог о Волге, который ведут сторонник прогресса Салов и тоскующий по старине кладовщик Менандр Николаевич. Не увидишь уже на Волге колесных красавцев-пароходов, что когда-то, в двадцатые годы, ходили по реке, сетует кладовщик. Зато теперь, успокаивает друга Салов, на реке и теплоходы, и буксиры, и моторные лодки. Да, неохотно соглашается Менандр Николаевич, нынче моторок «что раньше стрекоз», а в двадцатые годы «одна ходила, губисполкомовская». И продолжает наступать: рощи, однако, по берегам повырублены. Зато мост пешеходный строят, парирует не лезущий за словом в карман Салов. Нет уже на Волге той красоты, того волшебства, продолжает сокрушаться кладовщик, все попорчено рукотворными морями – водохранилищами: «А берегов старых жалко. Заводи были, камыши, остров песчаный». Устав от причитаний Менандра Николаевича, шутник Салов пугает его такой апокалиптической перспективой: «Погоди, еще издадут приказ – высушить всю Волгу. <...> Один миг! Мол, будет тут проезжий тракт. Зальют, стало быть, русло асфальтом, до краев нальют, укатают и пустят машины. Мол, для скорости...» Ужас на лице доверчивого Менандра Николаевича сродни тому испугу и недоумению, которые испытала героиня романа С.С. Максимова «Денис Бушуев» юная Манефа, слушая рассказ отца о Туркестане. В какой-то момент девушка восклицает: «А как же там люди-то живут? Как же они без Волги-то живут?». Да,

без Волги жить невозможно. По крайней мере, каждый волгарь убежден в этом. А что такое Россия без Волги?

Розов был благодарен судьбе за то, что в его жизни была Волга, красавица-река, делающая простительной писательскую сентиментальность и восторженность. Когда В.С. Розов, уже известный драматург, приехал в Соединенные Штаты Америки, он захотел реализовать свою давнюю мечту – проехаться по Миссисипи. И компания подобралась хорошая: Даниил Гранин и Фрида Лурье. Поначалу коллеги-литераторы отнекивались, но Розов настоял на путешествии по реке: «Как-никак я волгарь, речная душа, с рекой у меня связано многое. Уже один речной запах возбуждает меня» [1]. Вояж по Миссисипи разочаровал Розова. Река Тома Сойера и Гекльберри Финна оказалась на удивление безлюдной и пустынной – ничего общего с шумной, полной жизни Волгой!

Пьеса «В день свадьбы» построена так, что река ни на минуту не выпадает из поля зрения читателя, зрителя. Ее присутствие организует не только фабулу, но и настроение героев. «И Волга хороша, и небо хорошо, и во мне все переливается», – признается жизнелюб Василий Заболотный. Сын Салова Евгений буднично бросает: «Я на реку, выкупаюсь». Молодежь разводит на берегу костер. Михаил идет домой за платком для Нюры: «зябко у воды, тянет». Нюра вслушивается в тревожный гудок парохода, предвещающий какую-то беду. Илья Григорьевич, затеявший очередной философский диспут – на этот раз об иных галактиках, – заявляет, что не хочет *туда* (тон Салова не позволяет усомниться в том, что предложение о перемене места жительства уже поступило): «Мне тут хорошо, на Волге». Вернувшаяся в родные места Клава Камаева не может скрыть своих чувств: «Переехала сейчас Волгу, иду по улочкам – ноги-то родной земли касаются. Ведь каждый забор знаком, каждое дерево, камень».

Но самое проникновенное слово о великой русской реке произносит, конечно же, Менандр Николаевич: «Присел на горе на лавочку у старого кладбища да Волгой полюбовался. Текет, милая, с луной играет. Тысячу бы лет

на нее глядел без устали. Чем больше гляжу. Тем сильнее к ней тянет... Умирать буду – спросят: чего, Менандр, напоследок хочешь? Отвечу: на нее взглянуть...» Этот текст немедленно относит нас к знаменитому монологу Кулигина, которым открывается драма Н.А. Островского «Гроза»: «Чудеса, истинно надобно сказать, что чудеса! Кудряш! Вот, братец ты мой, пятьдесят лет я каждый день гляжу на Волгу и все наглядеться не могу <...> Вид необыкновенный! Красота! Душа радуется!» Почти дословное повторение некоторых пассажей: «пятьдесят лет гляжу ... и все наглядеться не могу» (Островский); «тысячу бы лет на нее глядел без устали» (Розов) – не оставляет никаких сомнений в части того, на какие классические литературные источники опирался Виктор Сергеевич. Пожалуй, и редкое для XX столетия антично-греческое имя Менандр дано герою не случайно. В «Грозе» острый на словцо Кудряш тоже называет механика-самоучку Кулигина «антиком».

И сциентист Кулигин, и советский служащий Менандр Николаевич являют собой секулярный тип сознания, потому Волга для обоих – по преимуществу предмет эстетического любования. Заметим, что в монологе розовского героя восхищение волжским простором соединяется с печальным мотивом смерти (и любитесь-то кладовщик Волгой, сидя у кладбища). Однако река для Менандра – это роскошная *посюсторонняя* альтернатива тоскливым мыслям о мире «ином». Совсем иное отношение к Волге у религиозной Катерины, чье сознание впитывает в себя христианские и дохристианские, языческие представления о воде как спасающей и защищающей силе: «Ночи, ночи мне тяжелы! Все пойдут спать, и я пойду; всем ничего, а мне как в могилу. <...> А вставать не хочется, опять те же люди, те же разговоры, та же мука. <...> Взяли бы, да и бросили меня в Волгу; я бы рада была». Для Катерины *земное* существование в страшном доме Кабановых подобно «могиле» – Волга же соединяется с мечтой о «радостном» избавлении от страданий, это элизиум, овеещающий сны Катерины о «райских деревьях да горах».

«Речная» лексика определяет характеры и даже вехи жизненных испытаний розовских героев. Оценивая итоги и перспективы своих амурных

похождений, Василий Заболотный сетует: «Да, в этих делах я почему-то не по фарватеру иду, сносит». Салов говорит своему будущему зятю, бывшему детдомовцу Михаилу: «Теперь круг твоей жизни замкнулся, причалил, брат». В какой-то момент Волга становится для героев чуть ли не Рубиконом, перейти который и соблазнительно, и страшно. Накануне свадьбы друга Василий пытается убедить его не обманывать ни себя, ни невесту – ведь Михаил не любит ее! Венцом доводов Василия о ненужности свадьбы стал призыв «перемахнуть» Волгу на лодке. Что друзья в конце концов и делают, рискуя попасть под лопасти парохода, – его-то, «раскричавшегося», и услышала встревоженная Нюра.

Бегство на лодке через Волгу, да еще накануне бракосочетания, да еще к красивой сопернице, неизбежно заставляет вспомнить еще одну пьесу А.Н. Островского – «Бесприданницу». «Как, вы решаетесь ехать за Волгу?» – настойчиво спрашивает Паратов у Ларисы Огудаловой. «Куда вам угодно», – сдается та на милость победителя. У Розова, правда, «бесприданница» заменена «бесприданником». Михаил Заболотный берет в жены Нюру Салову – а лучше сказать, идет к ней в мужья: любви-то нет никакой! Нюра – председатель завкома, большой человек на предприятии. В планах у нее поступить в текстильный техникум. И хотя она, по выражению остряка Василия, чуток «обшаблонилась» на своей работе, – партия для сироты и детдомовца Михаила, что и говорить, выгодная. Вспоминается саморекомендация Карандышева: «Она искала для себя человека не блестящего, а достойного...» Заметим, что, в отличие от насельников города Бряхимова, меркантильно-денежные интересы не играют в жизни героев Розова существенной роли. То ли дело Паратов, берущий в приданое за жену золотые прииски! Михаилу, который, по советским меркам, и сам неплохо зарабатывает, нужны не деньги, а приют души, истосковавшейся в долгом сиротстве по надежному берегу, по женской и родительской ласке. Молодой человек еще до свадьбы подумывает перенести из общежития в дом Саловых свои вещи, чем провоцирует реплику неугомонного Василия: «Раньше невесты приданое в дом тащили, а теперь женихи». Но вот в

город возвращается давняя любовь Михаила Клава – и сердце его уже там, «за Волгой».

Соответствия Михаил Заболотный – Лариса Огудалова, Нюра Салова – Юлий Карандышев выстраиваются сами собой. Примечательна даже фамилия героя – Заболотный: она подозрительно созвучна уезду Заболотье, куда Лариса Огудалова желает перебраться и торопит Карандышева (Юлий Капитонович собирается баллотироваться там в мировые судьи). С другими розовскими персонажами сложнее. Клава Камаева слишком аморфна и безлика, чтобы претендовать на лавры Сергея Паратова, хотя свою функцию внезапно появившейся разлучницы она выполняет. Зато ярко выписанный вертопрах Василий Заболотный удачно соединяет в себе и некоторые паратовские качества (сердцеед, соблаздивший даже неприступную дочку главного инженера Майю Мухину!), и – в еще большей степени – черты Робинзона. Именно он, шпыняемый всеми баламут, выступает в роли резонера, открывающего героям глаза на истинное положение дел. Василий куда симпатичнее своего антипода – дундуковато-правильного и хозяйственного Нюрино брата Николая.

Розов очень долго размышлял над развязкой пьесы. Кровавые варианты с пистолетной пальбой, само собой, исключались. Финальные строки пришли к писателю как озарение. Нюра Салова оказалась гуманней своего товарища по несчастью Карандышева. Вместо изуверского «Так не доставайся ж ты никому!» она изрекает со слезами на глазах: «Иди, Миша, иди!.. Отпускаю!!» Примечательно, что финальная сцена и у Островского, и у Розова сопровождается не сообразной ситуации громкой музыкой. В первом случае это хор цыган, во втором – бравурный туш, исполняемый поселковым оркестром. Когда один из провинциальных театров решил подкорректировать финал розовской пьесы и не разлучать новобрачных, драматург был просто взбешен.

«В день свадьбы» – «Бесприданница»... Вряд ли Розов осознанно стремился к таким неожиданным параллелям. Возможно, само обращение к «волжской» теме чревато для любого литератора активацией неких архетипов сознания, и в памяти сразу вспыхивает то печальный образ Катерины

Кабановой с ее желанием бежать на Волгу из «душного» дома, то Лариса Огудалова с ее трагической констатацией: «Для несчастных людей много простора в божьем мире: вот сад, вот Волга. Здесь на каждом сучке удавиться можно, на Волге – выбирай любое место. Везде утопиться легко, если есть желание да сил достает».

Волга для героев А.Н. Островского – это и реализованная мечта о ничем не стесняемой воле, и последнее прибежище измаявшейся души. Мысль о водоеме как самом надежном средстве свести счеты с жизнью особенно дорога героям комедии «Горячее сердце». Они удивительно щедры на такого рода заявления. Вот приказчик Гаврило, устав от притеснений курослеповской семейки, признается Матрене Харитоновне: «Я уж и так топиться от вас хочу». «И чудесно! – бодро отвечает Курослепова. – Вон и Парашка хочет топиться, так уж вы вместе, и нас-то развяжете». Узнав, что его выгоняют со службы, Гаврило сетует: «Прямая моя теперь линия – из ворот да в воду. Сам на дно, пузырьки вверх». Полагая, что не уберег Парашу и она угодила в руки разбойников, бывший приказчик рвет на себе волосы: «С мосту, с мосту! С самой середины с камнем. Простите меня, православные, ежели я кого чем...» Жмущаяся к Васе Прасковья Павлиновна тоже знает: «Конец-то терпению в воде либо в петле». В хор страдальцев встраивается даже голос самодура Хлынова: «Река никому не заказана». Тарах Тарасыч любит покурлесить на Волге, но и в его всегда нетрезвой голове скребется мысль об опасностях, которые таит река. О них во время лодочного катания под «бубен» он просит Аристарха предупредить, чтобы сразу «на нутрь принимать для храбрости». Герой комедии «Лес» актер Несчастливцев и вовсе выводит из процесса самоутопления целую театральную «систему» (задолго до системы Станиславского, но – поразительно! – в его терминах): «Бросится женщина в омут головой от любви – вот актриса. Да чтоб я сам видел, а то не поверю. Вытащу из омута, тогда поверю». Его непутевый компаньон Счастливец, увидев Геннадия Демьяновича, спешащего к берегу озера, восклицает: «Ну, убежал куда-то. Уж не топиться ли? Вот бы хорошо-то» (пародийная вариация

на тему монолога Катерины о Волге, несущей «радость» упокоения; вспомним, что действие «Леса» разворачивается под городом Калиновом). Несчастливцеву удалось спасти от самоутопления Аксинью. Кулигину и калиновцам повезло меньше: Катерину они не успели остановить. Именно Несчастливцев ярче и лаконичнее других формулирует содержание «волжской» драмы: «Старухи выходят замуж за гимназистов, молодые девушки топятя от горького житья у своих родных: лес, братец». А образ полусумасшедшей барыни («Гроза»), тычущей костлявой рукой в сторону Волги и шипящей: «Вот куда красота-то ведет. Вот, вот, в самый омут», – становится по-настоящему зловещим.

Связь В.С. Розова с А.Н. Островским обнаруживается не только в фабульных моментах, но и в подчеркнутом интересе к топонимическим и предметным деталям. Правда, автор «Бесприданницы» избегает прямых указаний: Кострома спрятана за именем Бряхимов, но все равно узнаваема. Например, Василий Данилыч Вожеватов, разыгрывая Робинзона, обещает ему поездку в Париж. Когда же обнадеженный актер начинает сокрушаться по поводу того, что не знает французского языка, Вожеватов восклицает: «О каком Париже ты думаешь? Трактир у нас на площади есть “Париж”, вот куда я с тобой хотел ехать». В бряхимовском «Париже» угадывается костромская гостиница «Лондон» на Сусанинской площади (здание сохранилось), содержавшаяся купцом А.А. Первушиным. Кстати, в том же «Париже» останавливается герой пьесы «Красавец-мужчина» Наум Федотыч Лотохин, приехавший в Бряхимов улаживать сердечные и материальные дела своей родственницы.

В тексте пьесы Розова упоминается паром, который когда-то связывал левобережную и правобережную (заволжскую) Кострому. Встречаются топонимические подробности, известные каждому костромичу: «уехать за Волгу» (в «Бесприданнице» А.Н. Островского это словосочетание упомянуто неоднократно) – значит, отправиться на правый берег, «поехать в город» – на левый, туда, где находится исторический центр. Заволжский дон-жуан Василий Заболотный грозит своей подруге Майе: «Только пикни, и я тебя на таком

расстоянии держать буду, вот как отсюда до Пантусова». Из замечаний практичного Салова мы узнаем, что в селе Семеновском можно разжиться хорошим самогоном (тамошний умелец открыл новую технологию «выпаривания» бодрящего напитка с помощью холодильника «ЗИЛ»). Нюра рассказывает, что встретила Клаву Камаеву «в рядах» – так костромичи по сей день называют комплекс Торговых рядов (Мучные, Красные, Табачные, Рыбные, Мелочные и др.) в центре города, создававшийся в XVIII–XIX вв.

Верхневолжская, костромская интонация пьесы «В день свадьбы» подчеркнута речью героев. Произведение насыщено экспрессивно-оценочной лексикой как никакая другая пьеса Розова. Взять хоть характеристики, которыми заволжане награждают Василия Заболотного: «вертихвост» (Рита), «баламут», «ветрогон», «сквозняк» (Салов). Пожалуй, самая емкая оценка вложена в уста Майи Мухиной: «Хорош, конечно, но гад». Костромской обыватель за словом в карман не лезет: «А Клавка-то, гадюка, носа не кажет!» Во время молодежных посиделок, сопровождаемых громким лузганьем семечек, одна из гостей жалуется: «Мой Сенька всем бы хорош, а напьется – скотина скотиной, рожа тряпкой висит». Кстати, гендерный подтекст пьесы весьма интересен. Рождаемые костромской ментальностью социокультурные стереотипы сильно сужают жизненное пространство женщины. Слободские, купеческие традиции отводят женщине роль «второго плана», делают ее зависимой от мужских прихотей и амбиций. Известные суждения героев знаменитой «Грозы» А.Н. Островского возникли не на пустом месте. «Жестокие нравы, сударь, в нашем городе, жестокие!» – наставляет Кулигин Бориса Григорьевича. А вот наблюдение и самого Бориса: «Здесь что замуж вышла, что схоронили – все равно». Так что мечта любимых героинь А.Н. Островского о «волюшке» вовсе не причуда, не инфантильный каприз.

Мужчины любят подчеркнуть свое превосходство над женщиной: таковы формировавшиеся веками устои здешней жизни. Даже если мужчина утратил всякое моральное право называться главой семьи и хозяином, он будет – хотя бы словесно! – отстаивать свои мнимые привилегии. Например, Николай на

людях стремится подчеркнуть свою доминирующую, мужскую, роль, хотя, в действительности, Рита поколачивает своего нелюбимого и трусливого муженька. Философствующий вдовец Илья Григорьевич Салов привычно командует неутомимыми и безотказными Матвеевной и Сергеевной, которые не покладая рук готовят дом к свадебному пиру. Уже первая сцена может повергнуть неискушенного читателя и зрителя в состояние культурного шока. Салов отправляет Матвеевну на базар купить – внимание! – 14 килограммов мяса, 5 кг селедки, 3 кг лука, 2 кг постного масла, 10 коровьих ног для студня, 100 штук яиц да 4 кочана капусты! Женщина безмолвно берет корзинку и уходит выполнять задачу, которая по силам разве что матери Гаргантюа. Да еще слышит брошенное ей вдогонку Саловым: «Семянок к вечеру купи стаканов пятнадцать». Что же делают оставшиеся во дворе мужчины? С чувством выполненного долга садятся пить пиво: день-то выдался хлопотный! Впрочем, чуть позже Салов внесет свою лепту в подготовку торжества: стрельнув у будущего зятя трешку, он отправится в аптеку за мылом, нашатырем и пирамидоном. В редких случаях мужчина способен признать творящуюся несправедливость. Таков, например, совестливый и добросердечный Гаврило А.Н. Островского («Горячее сердце»). Размышляя о перспективах собственной женитьбы, он говорит: «Тем бы я утешался, что уж очень у нас женщины в обиде и во всяком забвении живут, – нет такого ничтожного, последнего мужичонки, который бы не считал бабу ниже себя. Так вот я хоть одну-то за всех стал бы ублажать всячески. И было б у меня на сердце весело, что хоть одна-то живет во всяком удовольствии и без обиды». Прошло сто лет, но для героев розовской пьесы «В день свадьбы» слова Гаврилы по-прежнему не актуальны. Здесь скорее согласятся – хотя бы в тайных мыслях своих! – с мнением Павлина Павлиныча Курослепова («Горячее сердце»): «Уж самое это последнее занятие: с бабой разговаривать».

Инерционный ресурс среды колоссален. Потому так отчетлив в пьесе В.С. Розова мотив фаталистической подчиненности неким жизненным обстоятельствам, часто абсурдным и случайным. Такова история замужества

Риты. Ее подруга, рассказывающая о пьющем Сеньке – том самом, у которого «рожа тряпкой висит», тем не менее, собирается за него замуж, потому что – где взять других-то? Вырваться из этого заколдованного круга можно только ценой отказа от собственного счастья. Поступок Нюры, отпускающей своего свежее испеченного мужа «на свободу», костромичам кажется алогичным и безумным. Мнение большинства, следующего установленным приличиям и правилам, выражено в репликах Майи: «Чего ты несешь-то, полоумная? <...> Да ты опомнись... что город-то говорить будет!..»

Стремление писателя подчеркнуть «костромскую» фактуру пьесы имеет совсем не «этнографическую», а, скорее, нравоописательную цель. «Волжская» тема, столь любимая В.С. Розовым, неизбежно несет с собой драматические интонации и подтексты, отсылающие нас к образам А.Н. Островского, снова и снова убеждая в их художественной убедительности и жизненной силе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Розов В.С. Путешествие в разные стороны. Автобиографическая проза. М.: Сов. писатель, 1987. – С. 425.

ЗЯБЛИКОВ Алексей Вячеславович

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и филологии Костромского государственного технологического университета

cultural@kstu.edu.ru